



Дмитрий ПРИГОВ:

Жанс. правда - 1994 - 14 апр - с 8

Поэт в России больше не пророк

Он написал:

«В Японии я б был Катулл, а в Риме был бы Хокусаем». Но в России он — Дмитрий Александрович Пригов.

Модные словесные этикетки, наклеенные на него искусствоведами, опадают, как осенние листья, и загадочно шуршат. Авангард, андеграунд, концептуализм, поп-арт — эти слова называют, не объясняя. Такая «вещь в себе» — Дмитрий Александрович Пригов.

Он рисует по десять часов в сутки — норма. И пишет по два-три стихотворения в день. Сия плодотворность позволяет найти в его творчестве все, что душе угодно.

Детские страшилки: «Вот пионер поймал врага, а тот убил ребенка бедного и бросил неживого под ноги...» Или тексты, написанные в традициях японских хайку.

В целом же стихи отличаются редкостным оптимизмом и верой в счастливый конец — несмотря на тараканов, злобного Рейгана и отдельных пацанчиков:

Вот придет водопроводчик
И испортит унитаза,
Газовщик испортит газ,
Электричество —

электрик (...)

Но придет Милицанер,
Скажет им: Не баловаться!

Его биография столь же пестра, как и темы стихов. Изгнание из Художественного института за «авангардизм» с последующим восстановлением, работа почтальоном, ночным сторожем, учителем черчения и архитектором по отделке московских зданий.

...Но вот авангард перестал быть запретным плодом и вышел из подполья. В прошлом году Пригов получил Пушкинскую премию, ныне у него выходит книга в Берлине, а в Лейпциге готовится выставка.

— Дмитрий Александрович, андеграунд теперь получает премии, и вся романтика улетучивается. Вам не жалко?

— В конце концов мы в этом андеграунде даже пересидели. Мы — подростки-переростки. Второгодники. Я, например, в андеграунде сидел до сорока семи лет, и слава Богу, уже должна была испариться романтика. По меркам девятнадцатого века я уже глубокий старик, которому по-

ра вспоминать минувшие дни. Поэтому самое время, если не быть истеблишментом, то хотя бы получить заслуженный отдых. Это раз.

А во-вторых, так живут вообще все люди некоммерческого искусства. Премии, гранты, стипендии, дотации. Это у нас андеграунд связан с политической и социальной репрессивностью и вынужден скрываться. Это для нас — почти прыжок на небо. На самом деле все вполне нормально.

— Какое место вы отведете себе в русской литературе?

— Я могу сказать, как представляю себе место людей моего круга. Это третий, завершающий возраст авангардного типа искусства. В первый раз в пределах русского искусства, очень пафосного и самозабвенного, нерелексивующего, говорящего от имени либо Бога, либо народа, поставлена под вопрос легитимность высказывания художника. В первый раз художник начал заниматься рефлексией по поводу собственного права высказывания.

— Поэт освобождается от необходимости быть пророком?

— Он не то чтобы освобождается, он просто обнаруживает некую незаконность захваченного им права. Человек может быть слабым и рефлексирующим, но, взяв перо, он чувствует, что говорит от имени некой поэзии вообще, которая имеет право поучать людей и что-то говорить об этом мире. А для нынешнего направления искусства перо и бумага — первый способ, наоборот, впасть в сомнения.

В первый раз поставлено зеркало, а русская литература никогда не смотрелась в зеркало. Она всегда пропагандировала в открытое пространство. У нее не было проблемы рассматривания себя как маленького феномена внутри огромного феномена всех явлений культуры. Писатель был Всеписатель, Всечеловек.

— Вы самолюбивы?

— В меру. В очень малую меру. Для меня нет личной обиды. Меня могут обозвать как угодно, оскорбить, особенно серьезным выбором, если бы я кого-то предал или согласился работать в КГБ,



но личные оскорбления я очень легко переношу.

— Отличаетесь вы от Дмитрия Александровича ваших текстов?

— У меня с ним система мерцательная. В каждый определенный момент я не могу сказать, где я, где Дмитрий Александрович. Я знаю, что полуса есть, и в каждой точке существования эта дихотомия воспроизводится, но конкретно, кто я в этот момент, мне очень трудно сказать.

— Вы себе нравитесь?

— Я себя удовлетворяю. Да, вполне удовлетворяю. Кроме каких-то ситуаций, в которых мне не нравится, как я себя веду. Но я долго не мучаюсь. Возможно, если бы судьба поставила меня перед очень серьезным выбором, если бы я кого-то предал или согласился работать в КГБ,

потом бы во мне это как-то гнило. Но я в своей жизни не делал ничего такого, что долго бы жгло позором душу.

— Вы помните написанное год назад?

— Нет, я помню только стихотворения, которые часто читаю. Вообще было бы глупостью для меня помнить все стихотворения. Для меня это некий мгновенный акт, они сразу отрываются и уходят куда-то. В вечность, в пропасть, в помойку — куда угодно. В момент написания я срачен со стихотворением плотно, потом оно уходит, оно уже не знаю где.

— Кто любимый герой ваших текстов?

— Они менялись, потому что мои герои — это, собственно, поп-герои. Основным протагонистом советского мифа был Милицанер, основным

врагом — Рейган или просто злостный американец. Сейчас же ситуация не выстроена мифологически, поэтому герои мои скорее ностальгические — ну мальчики в матросочках...

— Вас считают «классиком современного авангарда». Само словосочетание вас не смущает?

— Дело в том, что авангард можно понимать в трех смыслах. Во-первых, как все, что «овее предыдущего». Потом — авангард как стилистика двадцатых годов. И, наконец, как выработанный уже всем авангардом в искусстве тактика и стратегия поведения художника в современной ему культурной ситуации. И на протяжении последних лет тактика и стратегия оказались основной зоной работы художника. Художник являет миру не картину, а свое поведение, жест. Но в этом отношении тип авангардного искусства уже кончается. Любой тип эпатажа со временем становится традиционным. Эпатажное поведение в пределах отработанной зоны уже не эпатажно, оно классично.

— Чем же можно сегодня эпатировать публику? Каким должен быть современный скандал?

— Я думаю, что в пределах литературы скандала уже не может быть, потому что это отработанная зона. Она не есть зона пристального внимания. В литературе никого нельзя уже ни поразить, ни ужаснуть. Так, в свое время фехтовальщики из «Трех мушкетеров» решали мировые проблемы. Изобретение нового приема фехтования гремело на весь мир. А сейчас события такого порядка интересны только спортсменам. Сейчас в искусстве все перемещается, перекомпонуется. В шоу-бизнесе тоже уже утвердился тип эпатажного поведения — Мадонна и прочие. Шокировать можно только пуританские страны, где голая Мадонна еще может кого-то удивить.

— А чем можно шокировать лично вас?

— Я думаю, чисто человеческими отношениями. Или открытием совсем новой зоны искусства.

Валентина ЛЬВОВА.